

Тётя Маша

Евгений Дзюбецкий

Евгений Дзюбецкий

Тётя Маша

<https://litres.ru/74448362>

SelfPub; 2026

Аннотация

Трагикомедия в двух действиях с элементами метатеатра. В центре — 38-летний писатель Рудольф Бородинский. Накануне сдачи рукописи он не может написать финал. Ночью в его кабинете появляются персонажи недописанного романа. Они застряли в тексте — за дверью «белое, пустое», потому что автор не дал им продолжения. Герои требуют финала, спорят, пытаются влиять на сюжет, а Рудольф постепенно понимает, что это не просто вымысел, а его совесть, страх, детство, мечта, любовь и ответственность.

Конфликт пьесы — столкновение автора и его созданий, маски и подлинного «я», страха и честности. Чтобы завершить роман, Рудольфу нужно завершить внутренний конфликт. Пьеса — о творчестве как ответственности, о свободе персонажа и о возможности начать заново.

Евгений Дзюбецкий

Тётя Маша

ТЁТЯ МАША

Трагикомедия в двух действиях

Действующие лица:

РУДОЛЬФ ГЕННАДЬЕВИЧ БОРОДИНСКИЙ — 38 лет.
Писатель.

АННА — Героиня романа. Альтер эго Рудольфа.

СЕРГЕЙ — Герой романа. Молчаливый. Бывший военный. Совесть Рудольфа.

РУДИК — Внутренний Ребёнок. Ребенок или взрослый актёр, играющий восьмилетнего мальчика. Детство Рудольфа.

ЗЛОДЕЙКА — Играет все отрицательные женские роли.
Страх Рудольфа.

ТАТЬЯНА (ВТОРОСТЕПЕННАЯ) — Не получила имени в чистовике. Дом, быт, тепло Рудольфа.

ПРИНЦЕССА МИРА — Героиня рассказа «Космическая принцесса». Мечта Рудольфа.

ПЕРВЫЙ (ПЕРСОНАЖ БЕЗ ИМЕНИ) — Молчит. Первый замысел Рудольфа. Нереализованная идея.

ГОЛОС РЕДАКТОРА — Эдуард Германович. Обаятельный и опасный.

КУРЬЕР — 25 лет.

Сценография: Письменный стол. Стул. Лампа. Стопка бумаг. Печатная машинка или ноутбук. Бутылка воды. Чашка. Окно. В углу — старый стул. Под столом — место Внутреннего Ребёнка. Дверь в «никуда».

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена 1.

ПУСТОЙ ЛИСТ

Кабинет. Ночь. РУДОЛЬФ сидит за столом. Перед ним —

чистый лист. В халате, тапках. Очки на лбу. Рядом — остывший чай.

Тишина. Рудольф берёт ручку. Кладёт. Берёт чашку. Пьёт. Морщится. Смотрит в лист.

РУДОЛЬФ (вслух): Так. (Пауза.) Так. (Пауза.) Так-так-так.

Пишет одну строчку. Зачёркивает. Рвёт лист. Кладёт новый.

РУДОЛЬФ: Хорошо. Начнём с простого. Кто-то куда-то приходит. Зачем? Не важно. Важно — как он это делает. (Пишет.) «Он вошёл в комнату и...» И что? Он вошёл и... сел. Нет. Он вошёл и... заплакал. Нет, слишком быстро. Он вошёл и... (Пауза.) ...и понял, что зря вошёл.

Смотрит. Зачёркивает. Рвёт.

РУДОЛЬФ: Ненавижу эту писанину.

Звонок телефона. Рудольф смотрит на часы, затем на телефон. Берёт.

РУДОЛЬФ: Да. Нет. Да. Нет, я помню. Нет, я не забыл. Я

как раз заканчиваю. Осталась одна сцена. Ну, две. Ну, три, но они короткие.

ГОЛОС РЕДАКТОРА (елейно): Машенька, солнышко, ты у меня умница. Я в тебя верю. Иначе, за что нам уже целый год издательство переводит, замечу, не копеечные, авансы? У меня желания судиться с ним нет. И если к утру рукописи не будет, я сделаю две вещи. Первая: опубликую «Космическую принцессу». Всю. С комментариями. С предисловием, где расскажу, что это первый роман нашей знаменитой писательницы Марии Райской. Вторая: я расскажу всем, кто такая Мария Райская на самом деле. Твои читательницы любят тебя, потому что думают, что ты — женщина. Они доверяют тебе. Они пишут тебе письма. Они плачут над твоими героинями. А ты — мужчина. Рудольф Геннадьевич Бородинский. Тридцать восемь лет. Это будет скандал. Ты станешь посмешищем. Твои тиражи упадут. Твои читательницы отвернутся. Ты потеряешь всё. К утру, зайка. Курьер придёт в десять. Целую.

Кладёт трубку. Рудольф смотрит на телефон. Потом на лист.

РУДОЛЬФ: К утру. Конечно. (Смотрит на часы.) К утру. Машенька... Ненавижу!

Кладёт голову на стол. Закрывает глаза. Тишина. Потом — скрип. Дверь открывается. Входит АННА.

АННА (тихо): Пусто. Как всегда.

РУДОЛЬФ (не поднимая головы): Я никого не жду. Уходите.

АННА: Я не ухожу. Я не могу.

РУДОЛЬФ (поднимает голову): Что?

АННА: Я не могу уйти. Я пробовала. Там ничего нет. Белое. Пустое. Как твой лист.

РУДОЛЬФ: Кто вы?

АННА: Ты серьёзно?

РУДОЛЬФ: Абсолютно.

АННА: Анна. Анна Сергеевна. Твоя героиня. Ты меня придумал четыре года назад. Я жду финала.

Пауза. Рудольф снимает очки. Протирает. Надевает. Смотрит на неё.

РУДОЛЬФ: А. Это. Ну, это... творческий кризис. Бывает. Вы идите, а я...

АННА: Я не могу идти. Я уже сказала. Там пусто.

РУДОЛЬФ: Тогда... посидите в углу. Тихо. Я работаю.

АННА: Ты не работаешь. Ты спишь лицом в бумагах.

РУДОЛЬФ: Это метод. Называется «активное воображение».

АННА: Это называется «провал».

Рудольф смотрит на неё. Потом на лист. Потом снова на неё.

РУДОЛЬФ: Хорошо. Допустим. Вы — Анна. Допустим, я вас придумал. Но это не значит, что вы можете... (Смотрит в угол.) А это кто?

В углу появляется СЕРГЕЙ. Садится на стул. Молчит. Смотрит в пол.

АННА: Это Сергей.

РУДОЛЬФ: Какой Сергей?

АННА: Твой. Из романа. Бывший муж. Ты его описал в третьей главе. «Молчаливый, с чувством вины». Вот он. Сидит.

РУДОЛЬФ: Сергей?

СЕРГЕЙ молчит.

РУДОЛЬФ: Он что, немой?

АННА: Он не немой. Он молчаливый. Ты сам так написал. «Он молчал, потому что слова были ему не нужны». Помнишь?

РУДОЛЬФ: Помню. Но я имел в виду... не буквально же.

СЕРГЕЙ (тихо): А как надо было понимать?

РУДОЛЬФ: О! Он говорит!

СЕРГЕЙ: Я говорю. Просто редко. Ты меня таким сделал. Не жалуйся.

Появляется ТАТЬЯНА. Входит боком.

ТАТЬЯНА: Здравствуйте. Извините. Я тут... Я не главная. Я так. Я Второстепенная.

РУДОЛЬФ: Чего?

ТАТЬЯНА: Второстепенная героиня. Ты меня так и не назвал. В черновике я была Татьяна. А в чистовике... (Пожимает плечами.) Забыл.

РУДОЛЬФ: Татьяна?

ТАТЬЯНА: Татьяна. Но можно просто — Второстепенная. Я привыкла.

Появляется ЗЛОДЕЙКА. Входит широко.

ЗЛОДЕЙКА: А вот и я! Не скучали?

РУДОЛЬФ: А вы кто?

ЗЛОДЕЙКА: Я — Злодейка. Точнее, я исполняю все отрицательные женские роли. Сегодня я — Свекровь. Завтра — Начальница. Послезавтра — Разлучница. У меня много работы. Люди любят злодеек.

РУДОЛЬФ: У меня нет столько злодеек.

ЗЛОДЕЙКА: У тебя их больше, чем ты думаешь. Ты просто их не описал. Они все — я. (Кланяется.) Бенефис.

Появляется РУДИК. Вылезает из-под стола. Ребенок или взрослый мужчина в детской шапочке, с машинкой. Улыбается.

РУДИК: Привет, Рудик.

РУДОЛЬФ: Что?!

РУДИК: Я ждал. Я долго ждал. Ты меня не звал.

РУДОЛЬФ: Кто это?

РУДИК: Это я. Ты. Маленький. Тебе восемь лет. Ты забыл?

РУДОЛЬФ: Я... я не...

РУДИК: Ты забыл. Ничего. Я привык. (Садится на стол, болтает ногами.) Я тут живу. Под столом. Уже лет тридцать.

АННА: Тридцать?

РУДИК: Ну, ему тридцать восемь. Значит, тридцать. Я плохо считаю. Мне восемь.

ЗЛОДЕЙКА: Это кто? Он мне нравится.

РУДИК: Я — совесть. Только маленькая. И с машинкой.

Катает машинку по столу. Рудольф смотрит на него, как на привидение.

РУДОЛЬФ: Это бред. Это всё бред. Я сплю.

РУДИК: Ты не спишь. Ты просто не хочешь просыпаться. Разница есть. (Смотрит на него.) Рудик, ты почему такой старый?

РУДОЛЬФ: Я не старый. Мне тридцать восемь.

РУДИК: А мне восемь. Значит, ты старый.

Пауза. Рудольф садится. Смотрит на всех.

РУДОЛЬФ: Так. Стоп. Все — стоп. Я должен понять. Вы — персонажи моего недописанного романа.

АННА: Да.

РУДОЛЬФ: И вы существуете физически.

СЕРГЕЙ: Да.

РУДОЛЬФ: И вы не можете уйти.

ТАТЬЯНА: Не можем.

РУДОЛЬФ: Почему?

РУДИК: Потому что за дверью — ничего. Ты нас не написал дальше. Мы застряли на середине.

ЗЛОДЕЙКА: Как автобус на остановке. Двери закрылись, а водитель ушёл.

РУДОЛЬФ: И давно вы... здесь?

АННА: Четыре года.

РУДОЛЬФ: Четыре года?!

АННА: С тех пор, как ты написал: «Она стояла у окна и

смотрела вдаль». И всё. Я стою у окна четыре года. У меня ноги затекли.

ТАТЬЯНА: А я вообще на кухне. Я в третьей главе чай пила. С тех пор пью. Уже четыре года. Я скоро лопну.

ЗЛОДЕЙКА: А я жду, когда меня разоблачат. Я злодейка. Мне положено быть разоблачённой. А ты меня бросил на полпути. Я даже не знаю, за что меня ненавидят.

РУДИК: А я под столом. Там пыльно.

РУДОЛЬФ: Почему под столом?

РУДИК: Потому что ты меня туда загнал. Когда решил, что взрослый писатель не должен быть ребёнком. Ты сказал: «Сядь под стол и не мешай». Я сел. И сижу.

РУДОЛЬФ: Но почему вы думаете, что прошло четыре года? Откуда вы знаете?

АННА: Мы — персонажи. Мы чувствуем время иначе. Для тебя — четыре года. Для нас — четыре вечности. Каждый день без финала — это вечность. Мы не стареем. Мы не меняемся. Мы просто ждём. И это хуже, чем смерть.

РУДОЛЬФ: Это очень поэтично.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.